

ВСТРЕЧА НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ

В СПОРЕ С СОБОЙ

«Вокруг наших взаимоотношений с Саней вообще очень много лжи», — говорит бывшая жена Александра Солженицына Наталья Решетовская.

Я очень хорошо помню одну очень странную книгу из 1975 года: Наталья Решетовская. «В споре со временем». Издательство Агентства печати Новости. Тираж не указан, фамилия редактора тоже. Цена 41 копейка. Только никто не мог купить ее даже за рубль. В нашу страну эту книгу чаще всего привозили те, кто побывал за границей. Там она продавалась свободно, даже навязчиво: «Тайны личной жизни писателя, откровения первой жены Александра Солженицына!»

Встреча супругов на фронте.

А. Солженицын и Н. Решетовская, Рязань, 1958 г.

Теперь уже пора сказать, что у нас были и такие книги, которые издавались ЗДЕСЬ, а продавались ТАМ.

Квартира Натальи Решетовской в Москве на Ленинском проспекте. В ней все или почти все так, как в период их совместной с Солженицыным жизни в Рязани, полуподпольного уединения. Рояль, мебель, фотографии, картины.

Вспомнить историю появления книги «В споре со временем»? Пожалуй! Только по издавна выработанной привычке включает Наталья Решетовская и свой диктофон: «Я не повторяю прежних ошибок. Мои слова очень часто искажали, к тому же я веду архив. Не возражаете?»

Я не возражал.

Наталья Решетовская:

— В некоторых статьях на Западе утверждается, что меня нашли издатели, взяли за шкуру и заставили писать о Солженицыне. Но это не так. В АПН я пришла сама. 26 февраля 1973 года в газете «Нью-Йорк таймс» как ответ на выступление в той же газете корреспондента АПН Семена Владимировича «Солженицын в рубище» появилась статья Жореса Медведева «В защиту Солженицына». Потом эту статью о нашем бракоразводном процессе с Саней стали передавать «голоса». Мне удалось сделать запись передачи. Несколькими фразами Медведев больно задел меня. Я вообще была не в лучшем душевном состоянии: за месяц до этого у меня умерла мама.

На следующее утро я написала письмо в «Нью-Йорк таймс», но решила не отсылать его почтой, а передать через АПН и позвонила в английскую редакцию. За ним приехали. Мой ответ «Таковы друзья Солженицына» появился на Западе. При встрече с работниками АПН в разговоре я упомянула, что пишу мемуары, что у меня много дневниковых записей. Они заинтересовались этим и попросили почтительно законченные главы. Я, конечно, дала. А через несколько дней мне позвонили из издательства АПН и предложили заключить договор. К этому времени у меня уже многое было сделано и одобрено Саней, ведь писать я начала примерно за год до нашей драмы.

Я потеряла мужа, умерла мама, пережила попытку самоубийства и чудом не погибла. Нужна была какая-то новая жизненная цель. И она появилась: вспоминая, все пережить заново. Книгу я диктовала на одном дыхании и сдала ее вовремя.

Потом началось что-то странное. Куда подевались повышенное внимание и любезность редактора? Из тридцати листов приняли только четырнадцать. Выпадали главы, которые казались мне самыми важными. Например, глава «Окружение», в которой говорилось о героическом поведении Сани на фронте. Ведь и в нашей, и в западной печати стали проскальзывать намеки на какие-то сомнительные поступки Солженицына во время войны. Все не только сокращали, но и совмещали. Не то чтобы извращали, но как-то переиначивали, явно отдавая предпочтение главам, где моя обида на него была обнаженнее, сильнее. Я спорила до хрипоты, дралась за каждую строчку. Мне говорили: «Вам нужно занять определенную платформу, иначе книга не выйдет в свет». Я отвечала: «Мне не нужна чужой платформы, у меня есть своя — правда».

В какой-то момент я даже твердо решила не издавать книгу в таком «урезанном» виде. Но на Западе все появлялось и появлялись статьи, искажающие истину. Писали, что я примазываюсь к чужой славе, к чужим деньгам, что я замуж за Солженицына вышла только тогда, когда он уже был в ореоле всеобщего почитания. Врала и у нас. А Солженицын молчал.

Конечно, все сокращения в книге были сделаны тенденциозно, ушедшие главы и опущенные эпизоды меняли смысл, но все равно Солженицын предстал в ней не таким, каким рисовала его наша пропаганда. Что он якобы во время войны бежал из окружения, бросил свою батарею, что живет он на подачки ЦРУ. И я — решилась...

И она решилась... Признаться, в нашей стране издатели не часто бегут за авторами и издают их книги в фантастически короткие сроки. Кому-то эта книга была нужна. Как встречный залп, как аргумент в проигрываемом споре. Для Солженицына это было не лучшее, но пока еще не самое худшее время. Пока еще не найдена и не арестована рукопись «Архипелаг ГУЛАГ», но о ее существовании компетентные органы уже знают и ведут на нее интенсивную охоту. Солженицыну намекают, что если «Архипелаг» не появится на Западе, то его издательские дела могут наладиться. Позже писатель назовет этот отрезок времени

заголовком из собственной книги «Как бодался теленок с дубом».

Со стороны Решетовской, конечно же, было наивно полагать, что своей книгой она сможет защитить себя, а тем более Солженицына. Но разве не глубоко безразлично было использовать наивность и личное горе в политических целях? Решетовская, как и Солженицын, по-своему пыталась «бодаться с дубом». Но он-то был, по собственному выражению, «озверевший эзк», хорошо осознавший методы политической борьбы. Она же, без его защиты и наставлений, всего лишь глубоко оскорбленная, убитая горем женщина. Нет, не равные это были силы...

Недавно я позвонил в издательство с просьбой дать на время хоть один экземпляр книги «В споре со временем» из архива. Не оказалось даже его. Весь тираж тогда был увезен работниками государственной безопасности.

Готовившийся залп не получился. Решетовская отказалась «начинаться» чужим пороком. В книге было много субъективного, необъяснимая обида застила глаза, и они многое видели по-своему: в чем-то односторонне, в чем-то тенденциозно. Вспоминаю, она тщательно искала в характере Солженицына те черточки, те поступки, которые потом приведут их к разрыву. Его уверенность в себе как писателя трансформировалась в самоуверенность, замкнутость — в презрение, вынужденная отстраненность от общения — в гордыню.

Но не стоит забывать, что писала это не только бывшая жена, но и «подельница», рисковавшая вместе с мужем судьбой, жизнью, честью. Она одна из тех трех женщин, которые тайно перепечатывали «Архипелаг». Ее отпечатки пальцев останутся на микрофильме этой книги, который прорвется за границу. Лишь ее отпечатки и Солженицына, потому что делали копию только вдвоем. Три года она была женой фронтовика, восемь — женой эзика, а почти все остальное время — соратницей писателя, работавшего в условиях негласности.

Она не только потеряла мужа, она потеряла и дело, которое уже стало делом ее жизни. Кто судья в разрешении семейной драмы? Никто. Только двое, и никто более.

Книга обидела Солженицына и насторожила его. В руках Решетовской оставались письма с фронта, из лагеря, наброски, записки, черновики. Все это могло быть использовано против него, поданное, конечно, в соответствующей трактовке. Он назвал свой образ, созданный Решетовской, «творением» АПН—КГБ. Книга могла бы стать таким творением, но Решетовская, в чем-то пойдя на компромисс, выстояла в главном. И образ предателя Родины не получился. В 1982 году (прямо в день Нового года) она получит от Солженицына примирительное и очень личное письмо, меняющее оценки. Пусть оно и останется личным...

Первое издание книги вышло на итальянском языке. Решетовская хорошо подготовилась: за четыре месяца выучила итальянский язык, чтобы иметь возможность проверить соответствие книги с рукописью, особенно последней главы, на правку которой она никак не соглашалась. Тогда ее заверили, что в Италию ушел ее вариант. Но туда ушел ИХ вариант. Она устроила грандиозный скандал. Ей пообещали исправить «недоразумения» в первом русском издании, намеченном на 1975 год. Обманули и в этом. А потом обманут и в главном. Сделаю невольной соучастницей издания одной скандальной книги.

Наталья Решетовская:

— Мне позвонили из издательства АПН: «Новая удача, новый прорыв! Вас хотят перевести на чешский язык. К вам придет переводчик, примите его!»

Их было двое. Я спросила, кто из них кто. Один представился: Томаш Ржезач, будущий переводчик, а второй не назвал своего имени, а просто сказал, что будет писать предисловие и ему хочется кое-что уточнить по хронологии и фактам. Я поговорила с ними, не увидев в этом какого-то далекого расчета. Но они перехитрили меня.

В 1978 году мне принесли книгу Томаша Ржезача «Спираль измены Солженицына». Более мерзкой книги я не встречала никогда. Сания предстал там жалким трусом, развратником, изощренным предателем. Искаженными цитатами из неопубликованных глав моих мемуаров (значит, и они попали им в руки!), прямой лобью автор пытался доказать недоказуемое, заставить поверить всех, что Солженицын мелкий интриган, поющий с чужого голоса. Господи, до чего он только там не договорился!

Даже до того, что Саня специально занял антисталинскую позицию, чтобы ударить с фронта и спастись от смерти в тюрьме. Что в Рязани он только и делал, что развратничал. А писал-то, писал-то он когда все эти груды томов! Он поденщиком был, рабом литературы. В гости сходить было некогда.

Я поняла, для чего им нужна была встреча со мной. Конечно же, не для установления истины, а для возможности сослаться на меня. Мол, виделись, говорили. Без ссылок на разговоры со мной все выглядело бы совсем недостоверно.

Написала правительству, директору издательства «Прогресс» с требованием изъять книгу из обращения. Искла встречи с редактором, в отличие от моей книги ее имя стояло в выходных данных: Мария Правдина. Но такого редактора в издательстве никогда не было! Хотела подать в суд на автора. Мне сказали, что он не наш подданный и что это невозможно.

Потом я заметила, что моя книга (ее оценки) и книга «Спираль измены Солженицына» соединяются у кого-то в сознании в одну. И я начинаю представлять перед всеми в образе разоблачителя писателя-самозванца.

А книги действительно совмещались, тем более что в «Спираль» Решетовская «цитируется» более чем в шестидесяти местах.

Под чьим-то сильнейшим давлением по-иному заговорили друзья детства и юности. (А может, и они без вины виноватые? Может, и не говорили вовсе?!). Заговорил даже бывший следователь Солженицына — добродушный дедушка, гуманист от рождения! «Били, пытали, принуждали, шантажировали? Что вы, это было страшнейшее запрещено!»

Книга гуляла по свету. Правда, в широкую продажу у нас ее тоже пустить не решились. Если в «Споре» недотянули до сенсационного разоблачения, то в «Спираль» явно перетянули «одеяло истины», и стали видны чьи-то чужие ноги.

Наталья Решетовская:

— В первую же встречу, в мае 1964 года, Александр Твардовский сказал мне: «Вы знаете, что ваш муж великий писатель?» Я сказала, что не хочу, чтобы это было так, это может помешать нашей душевной близости. Конечно, я чуточку лукавила. Я давно уже считала Саню великим писателем. По прочтении самой первой для меня вещи «Декабристы».

Простила ли я Саню наш разрыв? Сейчас да, простила, увидев фотографии, где он с детьми. Только это может служить оправданием того, что с нами произошло.

Когда нас развели, на суде Солженицын сказал, что я его никогда не понимала и не разделяла его взглядов и потому не могу нести за него никакой ответственности. Этим он хотел защитить меня на будущее. Я попросила записать в протокол, что понимала, разделяла и готова нести ответственность.

Все это я повторяю и сейчас. Я засыпаю и просыпаюсь с именем Сани. Никогда и никаких тайн его я не выдавала и не выдаю. Я никогда и никому не скажу ничего раньше, чем скажет он. За эти качества он когда-то называл меня «железной». «Железная» я и теперь.

Вокруг нашей жизни и наших взаимоотношений вообще много лжи. В следующем году в журнале «Дон» выйдет новая часть моих мемуаров. Они — оправдание всей моей жизни. В своих воспоминаниях я не буду спорить со всеми теми, кто вольно или невольно обидел меня в своих публикациях. Важно написать правду. Всю правду.

От Решетовской я унес главы новой рукописи. И на душе было тревожно. Еще одна книга, еще один спор, опять противостояние? Может, это опять кому-то надо? Правда, после прочтения этих глав у меня сложилось впечатление, что теперь эти воспоминания от первого, а не от чьего-то «второго лица», имеющего особую точку зрения. Прошли годы, ушла обида, которая была чуть ли не главным героем повествования. Ушли те редакторы. И в 1989 году Наталья Решетовская более зряча, чем в 1973-м, хотя читает и пишет теперь с лупой.

Конечно, всегда можно спорить с кем-то и с чем-то. Даже с самим ВРЕМЕНЕМ. Только неравный это спор.

Геннадий ЖАВОРОНКОВ.

Фото Алексея ФЕДОРОВА.